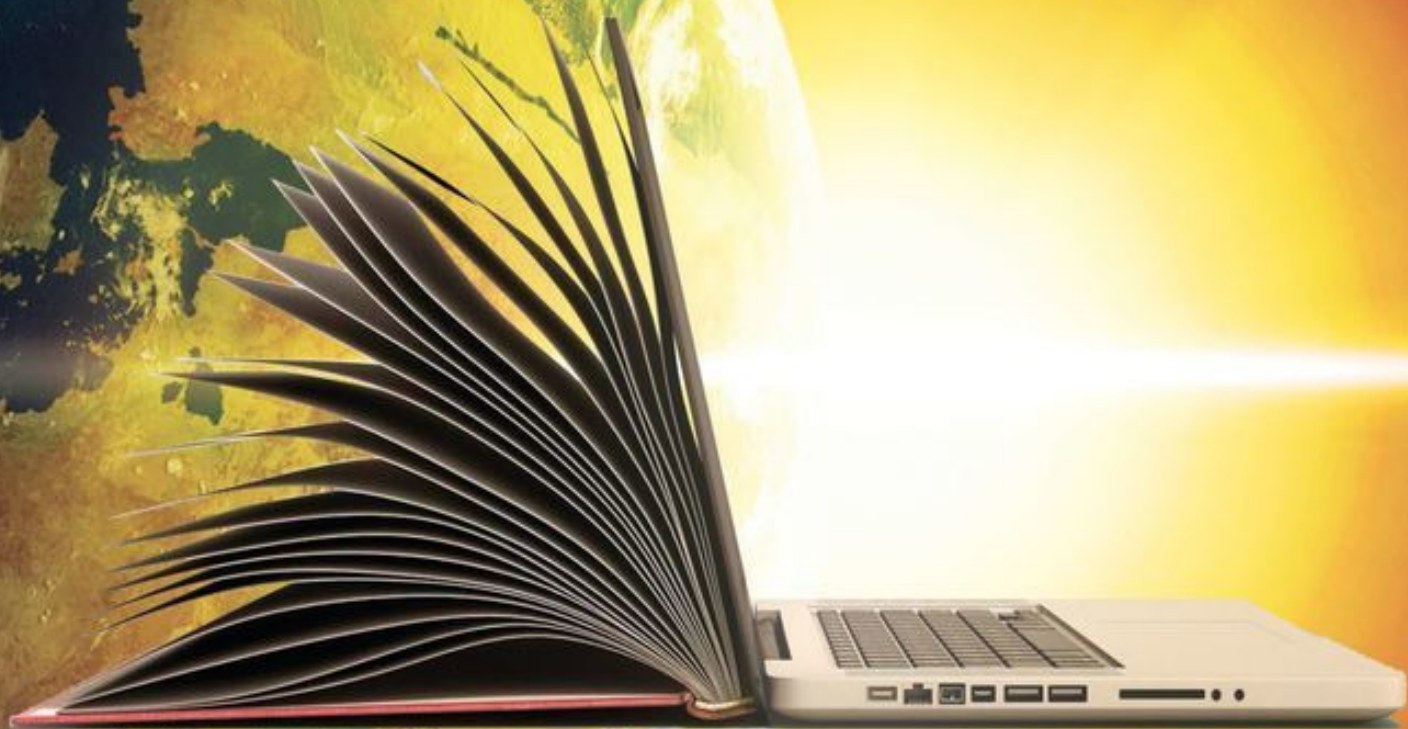

18+

ЯНВАРЬ 2020

Авторы XXI Века

Издательский проект ЛитКультма

Дмитрий Волгин

Авторы XXI века. Январь 2020

«Издательские решения»

Волгин Д.

Авторы XXI века. Январь 2020 / Д. Волгин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980502-7

Мир современной литературы очень разнообразен. На нашей необъятной литературной планете можно найти авторов любых жанров и направлений. Их творчество по-своему оригинально. Авторы XXI века ежедневно ищут себя через свои произведения. А читателям остаётся лишь отправиться в увлекательное путешествие по литературному миру наших авторов.

ISBN 978-5-44-980502-7

© Волгин Д.
© Издательские решения

Содержание

СТИХИ	6
Ольга Безденежных	6
Он приходил в это кафе редко	6
Ночь в сентябре	6
Про верность	7
Ночная птица	8
Артём Фролов	9
Смерть поэта	9
Зима	9
Проклятье точек	10
Проклятая осень!	10
Арлекины	11
Анеля DEF Шумилова	13
Перестеленное	13
Заживо	13
Здесь	14
Больная пора	14
Юбочки	15
Мария Сухарева	16
Танковый батальон	16
Я Богу ничего не обещаю	17
Берёзовый сок	18
Рабство в России давно уже кануло в Лету	19
Ольга Атрошенко-Моргунова	20
Из райских мест уходят...	20
Питер	20
Уральскому лету	21
Мы теперь никогда не уснём	21
Скала	21
Была ночь...	22
Ирина Булгакова	23
Километры осени пройдены	23
Есть срок у цветенья	23
Беги вместе с ветром	23
Что может фотограф?	24
Может быть в маленькой точке вселенной	24
Укрывает осень	24
А может, будет ещё дорога	25
Вечер. Тихо. Чуть дыша	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Авторы XXI века Январь 2020

Редактор Дмитрий Волгин

Редактор Оксана Смирнова

Дизайнер обложки Яна Малыкина

© Яна Малыкина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0502-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХИ

Ольга Безденежных

Он приходил в это кафе редко

Он приходил в это кафе редко.
Брал что-нибудь, так – «перекусить малость».
Садился в угол, где билась в окошко ветка,
Словно из прошлого в будущее пробивалась.

Он не смотрел в свой телефон, как другие.
Бережно, нехотя словно, размешивал кофе в чашке.
И были глаза его будто бы ледяные,
И редкого цвета – как ядрышко от фисташки.

...В кафе обсуждали его с каждым разом чаще.
Сватали Людке, что замуж мечтала выйти:
«Вон, мол, твоё это, видно, счастье.
Ты в зал то хоть раз в кружевном переднике выйди!

Да, не пацан, ему явно уже за сорок.
Может, чуть больше. А, может, чуток поменьше.
Разве ж то возраст? Зато ведь не окольцован!
Видишь, на пальце – на этом! – пижонский перстень.

Нечасто заходит, видать, своё время жалко.
Раз в месяц, примерно. А, может, и реже даже.
Была бы жива твоя мамка – красotka Галка,
Сосватали б ей. Она-то была поотважней!»

...Нет, Людка не думала, чтобы там свадьба сразу,
Но вышла на шпильках и в новом, в горошек, платье.
Четыре фисташковых глаза встретились разом.
Он кинулся к ней, даже кофе пролил на скатерть.

У девок на кухне крышу то поносило —
Подумали хором: «Видать, мужик ненормальный».
А он протянул к Людке руки, и как то сипло
Сказал: «Ты же копия... моя... Галя».

Ночь в сентябре

Он спутал Шнурова с Шевчуком.
Ты то причём? Ведь на самом деле
Он совершенно с тобой не знаком.
Вы просто ужинали в мотеле.

Он выбрал столик, что у окна,
А ты у барной присела стойки,
И как порядочная жена
Звонила мужу: «Поем, и – в койку!».

Вот тут он крикнул: «Убавьте звук!
Кому включили это орало?
Всем надоел этот ваш Шевчук!», —
И посмотрел на тебя устало.

Ты же, нажав на «отбой», ему
Так, между прочим, сказала хмуро:
«Это поёт, никакой не Шевчук,
А «Ленинград», и конкретно – Шнуров».

...

В номере влажно, дождь хлещет в такт
В раму окна, что сама раскрылась.
Жаркое тело в его руках
Только под утро угомонилось.

...Путь продолжаешь под сердца стук,
Мокрую трассу толкают шины.
Ловишь волну, там поёт Шевчук.
И останавливаешь машину.

Яркий румянец рвётся со щёк,
Горько вздыхаешь и тихо плачешь.
Рыжий сентябрь заманил на урок
С неразрешаемой задачей.

Про верность

Она мечтала ему изменять.
Налево-направо крутить романы.
С роз лепестки обрывать и швырять
В глубокую пенную белую ванну.
И чтоб обязательно без белья,
На каблуках и в короткой юбке,
Чтоб с придыханием: «Я – твоя», —
Ему говорить, надувая губки.
Вернее, покрашенный красный рот,

Чуть приоткрытый, развратно влажный.
Но получалось наоборот...
И в муравейнике многоэтажном
Ждала его вечером у окна,
Гоняя по сердцу скребущих кошек.
Себя убеждая: «Зато не одна,
А он перебесится. Он хороший»
Не ревновала, просто ждала,
Верность зачем-то ему хранила.
И за те годы, что с ним жила
Так ни разу не изменила.
Дура? Святая? Решила жить
В коже лягушки. Но вот, что важно:
С каждой такое могло бы быть.
Но мы-то знаем: было не с каждой!

Ночная птица

Сегодня опять не звонил телефон.
В холодной постели не спится.
Я вышла, накинув халат, на балкон,
И вижу – на дереве птица.
Быть может, подбито у птахи крыло,
Да разве кто правду расскажет.
Я пальцем замёрзшим стучала в стекло,
Но птица не вздрогнула даже.
Мурашки от холода. Пар возле губ
Клубочком пытается виться.
Я хлеба возьму и с рассветом пойду
Кормить эту странную птицу.
В постель забралась, завернувшись в твою,
Из клетчатой байки рубаху.
А утром с шиповником чай заварю,
Напьюсь и спасу эту птаху.
Мне чайка приснились, весёлый прибой,
Какие то южные звуки.
Ведь пахла рубашка с карманом, тобой.
И грела не байка, а руки,
Обнявшие крепко. Ты снова был мой,
Как раньше: влюблённый и нежный.
С утра – на балкон, а на ветке кривой
Не птица. А ком белоснежный.

Артём Фролов

Смерть поэта

Во мне погиб поэт.
Возможно, просто спился.
Не вынесла душа его
Страстей дешёвых драм.

Не помню я как здесь
Сегодня очутился,
Не помню, как пришёл сюда,
Не помню, кто я сам.

Лихой поэт о страсти пел,
О сердце в клетке золотой,
О чувствах, что давно забыты,
Но так тревожили покой.

Над штилем дней однообразных
Он реял гордо, словно знамя,
Кружа в кульбитах несуразных,
И взмахом раздувал он пламя.

Он нёс себя навстречу звёздам,
Которых грезил он во снах,
Он ввысь летел... Но слишком поздно.
Ветра его развеют прах.

А что осталось? Авторучка?
Блокнот и... мясо на кости?
Он верил, что жизнь станет лучше,
Но C'est La Vie, как ни крути.

И тело с взглядом опустелым
Спешит работать, к девяти,
Сорвав с себя тепло постели,
Хоть так не хочется идти...

Зима

Снова душит зима нас в холодных объятьях,
Белым пухом своим, покрывая поля,
Наряжая деревья в венчальные платья,

Словно в зимнюю спячку впадает земля.

Истерический страх, словно тонкая наледь,
Моё сердце сковал, отразившись в глазах,
И за окно лишь украдкой глядя
По щеке прокатилась ледяная слеза.

Рассветы. Закаты. Чашки чая и кофе.
Дни уходят, как вспышки, в седину декабря —
Дни, в которых пишу эти чёртовы строфы,
Дни, в которых всего лишь я не видел тебя!

Проклятье точек

Повторим проклятье точек.
Звезды. Небо. Синева.
Кто ты, аленький цветочек?
Вновь кружится голова...

Пустота. Свобода. Скука.
Свободы ли я так хотел?
Внутри меня давно ни звука,
И цвет последний облетел.

Весна. Так скоро. Вновь тепло.
Я солнца свет глотаю жадно.
Хотел бы, чтобы помогло.
Внутри меня теперь прохладно.

Холодный свет. Удары сердца.
Отсчёт обратный. Тик и так.
Кто приоткроет в душу дверцу?
Кто распахнёт ворота в ад?..

Живу. Дышу. Чего то жду.
Все как всегда, но всё иначе.
Я с неба жду свою звезду.
Поэма ничего не значит.

Проклятая осень!

Замирает любовь
в охладелых сердцах,
У последних лучей
мы тепла ещё просим,

Но тяжёлая сталь
навсегда в облаках —
Проклятая осень!
Проклятая осень!

Ветер листья срывает
с оголённых ветвей,
А затем, покружив,
в никуда их уносит,
Потеряв позолоту
под свет фонарей —
Проклятая осень!
Проклятая осень!

Давно уже всё
потеряло свой смысл,
А стрелки часов
указали на восемь,
Стучит в голове
лишь одна только мысль —
Проклятая осень!
Проклятая осень!

Арлекины

Улетайте, мои арлекины,
Оставьте меня в тишине,
Заберите фантазий картины,
Что видал в дионисовом сне,

Заберите воздушные замки,
Их утопий магический блеск,
Унесите проклятые маски —
Унесите подальше всё в лес!

Заберите с души моей тяжесть,
Звон цепей и томленье оков,
Заберите с собою и радость
От когда-то оброненных слов...

Отпустите же душу на волю!
Распахните дверь в чёрный подвал
И позвольте терзаньям и боли
Белым танцем открыть этот бал.

Пусть кружатся на мраморе белом
И хохочет раскатистый звон,

И в лице моём пепельно-белом
Вновь прочтётся безмолвный мой стон...

Отпустите меня, арлекины!
Всё немного сложнее, чем ситком.
И не нужно искать здесь причины —
Жизнь уже не окажется сном.

Анеля DEF Шумилова

Перестеленное

Я взяла и перестелила.
Споткнулась о два покрывала.
Я, может, немножечко злилась.
Но этим ничуть не страдала.

Возможно, забыла и сдалась.
Возможно, я стала сильнее.
С тобой и с другими сражалась.
Не знаю, что было больнее.

Я просто завесила шторы.
Другие не могут увидеть.
Твои постоянные ссоры
До язвы способны обидеть.

Я просто взяла и сложила.
Споткнулась о два покрывала.
Я просто тебя не винила.
Тебя почему-то мне мало.

Заживо

Скажите, я попала в ад?..
Что за урод во мне сидит?
Он режет тело наугад
И в уши бешено кричит.

Кто горло сверлит как стену
И кости рубит топором?
Не надоело ли ему
Меня палить своим огнём?

Зачем же грудь катком сжимать,
Чтоб не поднять было руки
И беспощадно нажимать
На разожжённые виски?

Кто шею тяпкою дерёт,
Вливая жгучий страшный яд?
Ногами кто-то меня бьёт

Из-за пустых болючих страт?

Зачем он ночью на кровать
Мне выливает кипяток?
Неужто чтобы наказать
За тот истерзанный глоток?

И через дикий горла крик
Я понимаю невпопад:
Это не мой безумный сдвиг —
Я просто не попала в ад.

Здесь

Где ползают люди вшами
В огнях обнажённых ночей
И смотрят слепыми глазами
На страх утомлённых дней.

Где сердце лукаво душит
Разбитой надежды крест,
А мысли биением глушит,
И горестно их же ест.

Где нету и тени улыбок
В попытках пойти на смерть,
Солёная тяжба ошибок
Буравит промокшую твердь.

Где только тоскую дышит
Болота безжизненный путь,
И крик (но никто не слышит)
Осколками режет грудь.

Где боль растоптала ветер,
Ночами мешает спать...
Я здесь, на больной планете,
Хочу навсегда замолчать.

Больная пора

Я не вижу, как тают снега,
Распадаясь на камни и воду,
Как по лужам ступает нога
В столь плаксиво больную погоду.

Мне не видно рассветных лучей
Из-за массы густых облаков,
В лабиринтах бездомных ночей
Я тону под нашествием слов.

Я не вижу, как ветер стучит
Распалёнными каплями дня,
Только слышу, как глухо кричит
Он созвучьем кривого огня.

Мне не видно дорожных путей,
Чешуёй загоревших зимой.
Полосою незваных затей
Льются думы больною порой...

Юбочки

Листья съёжились гармошкой.
Или юбкой-галифе.
Я конфеткою на ножке
Пробегаю по строфе.

Листья умирают тихо...
Им и ветер невдомёк.
Во мне томится шумиха.
Её, видно, вышел срок.

Во мне что-то надломилось.
Это было в прошлый год.
Я проснулась? Или сбылось
То, что сделало намёк...

Мария Сухарева

Танковый батальон

Опять вперёд, и так который день,
«Назад ни шагу!» – нам приказ привычен.
Навстречу надвигает грозно тень
Гигант стальной. Он дерзок и набычен.

Я сжал в кулак нагрудный медальон,
Который подарила в детстве мама.
Вперёд идёт бесстрашный батальон
Гигантам наваять по первой самой.

Нырнули в башню: танк – броня и склеп.
Прицел у пушки навели яснее...
От выстрелов, от дыма я ослеп,
Надежды выжить нет – и Бог бы с нею.

Врага успеть хотя бы одного
Отправить с поля боя в ад кромешный.
И более не нужно ничего.
Вперёд, пацан, – шепчу себе, – не мешкай!

Мой танк сплошным обстрелом опалён,
Прорезан корпус броневой пулей,
Но не один я – целый батальон
Жужжит на взводе, как пчелиный улей.

Готовые сражаться до конца,
Плечом к плечу мы бьёмся. Вместе. Рядом.
Броню, что покрывает нам сердца,
Кумулятивным не пробить снарядом.

Хоть горизонта вражеской гряды
Не видим, а вокруг – своих останки,
Как прежде, мы решительны, тверды.
Стальные – это мы, друзья! Не танки.

Когда пробьёт наш общий смертный час,
Когда дотлеет общей жизни кромка,
Зароют всех в одной могиле нас,
Одну на всех напишут похоронку...

Наш голос над погостом прорастёт
И прошумит берёзой или клёном,

И ни одна метель не заметёт
Земли, спасённой нашим батальоном.

Я Богу ничего не обещаю

Я Богу ничего не обещаю:
Ни «больше не грешить», ни «лучше стать».
Я ближнего частенько не прощаю,
Хотя сама ему порой под стать.

Я очень редко каюсь, причащаюсь,
Работать забываю над душой.
И даже когда к Богу обращаюсь,
То совершаю «подвиг» небольшой:

Молю уладить все мои проблемы,
Прошу о злободневной ерунде.
Порой, не видя сути за эмблемой,
Я силы трачу в суетном труде.

Подвижники – они совсем другие,
Аскеты, заслужившие вход в Рай.
А мы, набив «тряпьём» мешки тугие,
Всё больше копим, копим через край.

И вот казалось, что заблудший путник,
Дойдя до врат в Божественный чертог,
Ступить захочет внутрь, отринув путы,
Но Глас услышит: «Задержись чуток».

Весы, куда дела, поступки наши
На обе чаши складывает Бог,
Всегда одну и ту же клонят чашу:
Их груз грехов кренит на левый бок.

Что удивляться: дьявол панегирик
Порокам мерзким пел, а мы велись.
Мы в чашу слева набросали гирек,
А вот с Благим – дорожки разошлись.

Нам всем готово место в преисподней.
Но сердце мне твердит упорно: «Верь!»
И верю я: Всемилостив Господь мне
Откроет в Свой чертог прекрасный дверь.

Я припаду к эдемовским красотам,
Ах, ветер Рая, вей в лицо мне, вей...

Не по моим делам меня спасёт Он —
Спасёт меня по милости Своей.

Берёзовый сок

Раскинул ветви среднерусский лес,
Готов любого путника обнять он.
Какой бы зверь в чащобу ни залез,
Тут каждый закуток ему понятен.
Живые существа – все дома здесь:
Клыкастый, и рогатый, и пернатый.
Простор древесный, что сияет весь, —
Для них родные, тёплые пенаты.
Людей он тоже привечать готов,
И те с собою смело набирают:
Гитару, снедь, детишек и котов,
Они в лесу резвятся и играют.
С утра сюда семейство забрело
Пикник устроить с водкой, с шашлыками,
Поймали взглядом пёстрое крыло,
Хоть хорошо, не встретились с клыками.
Сказала дочь: «Ой, папочка, смотри,
Берёзка белоствольная какая!
Пышней обычной крона раза в три,
Сочней листы, и рост – не видно края».
А сын прибавил – знатный эрудит,
На коврике походном чуть поёрзав
И бабочку смахнув рукой с груди:
«Ты знаешь, как полезен сок берёзы!
Во многом превосходит мумиё,
Гипертонию лечит и простуду,
Сосуды укрепляет. Ё-моё!
Наполни банку, папа, ведь не трудно!»
Кивнул отец семейства, отхлебнул
Напиток «под шашлык», что крепко-горек,
Порылся в рюкзаке под птичий гул,
На дне походный отыскал топорик.
И рубанул, да так, что задрожал
Весь лес от дровосекского запала.
Когда «добытчик» свой кулак разжал,
На землю ветка крупная упала.
И как бы ни был шпиль её высок,
Внутри была берёза нежной, хрупкой.
Полился из неё обильно сок —
В берёзке кровоточила зарубка.
Набрали вдоволь чудо-эликсир,
Который черпать – целая наука.

Здоровья он прибавит им и сил,
Отступит с ним болезненная мука.
А что с берёзой станет – разве есть
Какая-либо разница для хищных
Зверей-людей, которым лишь бы съесть,
Забрать, урвать: ресурса, блага, пищи?
Хоть и родная, русская земля,
Не Бангладеш, Марокко или Чили,
Но и о ней не все сердца болят.
Ей, рану нанеся, не залечили.
И ствол берёзы навсегда засох,
Не даст он сока до скончанья века.
Ведь он, хотя и мощен, и высок, —
Не выше эгоизма человека.

Рабство в России давно уже кануло в Лету

Рабство в России давно уже кануло в Лету,
Встарь человек человека держал под пятой.
Только и нынче встречается жизнь без просвета:
Гладит, стирает, старательно жарит котлеты,
Ждёт, когда муж возвратится домой подпитой.

Муж, не разувшись, шатаясь, в квартиру завалит.
Глянет сурово – как будто бы бакс отстегнёт.
Он за заботу супругу вовек не похвалит,
Даже скупое «спасибо» он буркнет едва ли.
Повод найдёт прицепиться – усилит свой гнёт.

Он пылесос не починит, не справится с краном,
Справиться проще с женой. Что сказать: супермен!
Как объяснить его жертве: с домашним тираном
Лучше расстаться скорее, ведь поздно иль рано
Даст он весомее поводы для перемен.

Сердце её и душа, и щека кровоточат —
Страшно горит на щеке мужнин хлёсткий удар.
В браке подобном поставить бы жирную точку.
Много по миру живёт – не подсчитано точно —
Столь несчастливых, недружных, нелюбящих пар.

Уз не решится порвать, будет ждать его возле
Вечной плиты. Он вернётся опять подпитой,
Глянет сурово: пахала жена? На износ ли?
Страшно представить, что будет – а будет ведь – после
Снова поставленной в браке таком запятой.

Ольга Атрошенко-Моргунова

Из райских мест уходят...

Из райских мест уходят,
Потому что скучно.
Ты сердце не сможешь заводить
Каждый раз искусно.
От кущей откусишь
Пару раз – и снова
Искать будешь сочетание
Вкусов новых.
Так когда-то сбежали
Адам и Ева.
Яблок на утро
Она не хотела.
Жизнь покажется
Слишком долгой,
Если вновь и вновь читать
Одну книгу
От корки к корке.
Ты запомнишь сразу
Улыбку моря,
Тихий шёпот берёз
У русского поля.
И с собою возьмёшь
Эту безмятежность.
Нужно дальше идти —
На кону вечность.

Питер

Ужели, Питер, ты со мною?
Моя ладонь в твоей руке.
Дыханье гордого прибоя
Поймаю вновь я на щеке?

Ужели невяское молчанье
Теперь сродни моей судьбе,
Небес твоих мне заклинанье
Откроется в желанном сне?

Ужель «Аврора» встрепенётся
Навстречу утренней заре,

И, крыльями сверкнув на солнце,
Грифоны улыбнутся мне?

Ты хмур и мрачен... Недотрога?
Иль попросту столичный франт?
Тебя я узнаю с порога:
Поэт, кудесник, эмигрант.

Уральскому лету

Вьюжный хохот, ивы плач,
Градины пустились вскачь.
Таёт тополиный пух
В рубцах от снежных оплеух.
В инее июньских дней
Вместо солнечных лучей
Пропитанья ищет грач,
Досель не знавший неудач.
Задора полные букашки —
По телу бегают мурашки.
Одевайтесь по погоде —
Экономить нынче в моде.
Надёжно, как метеорит,
Лето на Урал спешит.

Мы теперь никогда не уснём

Мы теперь никогда не уснём,
Ибо уже расставались внезапно, резко, безбожно,
Когда не укрылись одним зонтом,
Когда пальцы индevelи порознь в карманах душных.
Когда самолёты взлетали к Богу
И небо отбеливало Вселенную,
Мы теряли следы друг друга —
Слезы на память застывали в горле мгновенно.
Мы теперь ни за что не уснём,
Ибо знаем цену разлуки,
Дни забвений стороною пройдем,
Только не отпускай мои руки.

Скала

Ты молчишь в окне у большой скалы – видно, знаешь, что ей много долгих лет. Сколько бурь прошло и туманов... были сумраки и обманы. Но о том молчок... не жива она... не любить

уж ей... не страдать о нем... и о том, кто был, и о том, чей след удивил её и спалил во сне... Не осталось в ней ни минуты лжи... ни секунды мглы... ни сырой слезы. Разменялось время грозное... уложились... мысли грузные... Что хотелось, о чем мечталось – не сбывалось, растворялось... ледяной струёй рассыпалось... на глазах вдребезги разлеталось... горько-кислой тьмой отзывалось...

И безумием она упивалась... чтоб не землю есть – улыбалась... чтоб не слезы пить – умывалась... чтоб не венам стыть – причащалась... к свету буднему, с сединой во лбу... к травам утренним, нерастерянным... к небу – в лодочке и на лошади... к солнцу с посохом – лучами-косами...

Так прошла она путь нечаянный... в путях-лезвиях и в отчаянии...

Не увидели, не прикаяли, обожгли её – не оттаяли...

Была ночь...

Была ночь. Снились чужие дома – темно и страшно.

А сухая листва шелестела под окнами – сухо, протяжно.

Были коридоры, комнаты, чужие балконы, мокрые стекла – светильники запылёны... Очень хотелось есть... в своём окне, в своём районе. Как в мелафоне, звуками рассыпались мысли о Дне. Час пробил тяжёлым железом маршрутки – воспаленно. Люди пылились, томились, нервно бросая монеты – до Дома. Тебя кидало то в угол, то к рынку... а за окном грязным деревьям хотелось – надеть косынку. Солнце клевало нас – то больно, то нежно. Тогда мы не знали, что море... оно безбрежно. И копотью, грохотом, матами, конгломератами, пустыми платами – давился берег... А ты, с виду спокойный, застойный, но вольный, молился – «Верю». И было паршиво и одиноко в тумане воли... И боль завывая, за что-то страдая, – плати покоем. Покаясь, прикаять к другому другим – невозможно. Ты молча сжимаешь окно до основы земли – тебе это можно. А дальше... ровно выглаженные, заиндевелые дни – идут куда-то. И в голову добро манящий, обещанный след – не ждёт возврата. Тебе словно десять прожитых лет – и ты в палате. Со стенами в синий и белый цвет, без мыслей – в вате.

Наутро весь свежесжатый бред – возьму и вылью... и мятным горошком, как в детстве, заем – горький привкус полыни.

Ирина Булгакова

Километры осени пройдены

Километры осени пройдены,
Сотни кадров память хранит.
Золотыми тропами бродишь ты,
И все дальше шорох манит.

Шелест листьев, яркое золото,
И лучей последних тепло.
Осень тихо спрячется в облако.
В волосах блеснёт серебро...

Есть срок у цветенья

Есть срок у цветенья.
Есть срок у заката.
Рассвет успевает в срок.
Минуты, мгновенья
Спешили куда-то,
Но прошлое – за порог...
Душа захлебнётся.
А сердце стремится
К надежде купить билет.
Не зная – придётся
О правду разбиться...
Предательству срока нет.

Беги вместе с ветром

Беги вместе с ветром,
Теряйся с закатом,
Касайся руками туч.
Замри, словно льдинка,
Как сердце когда-то,
Как солнца лукавый луч.
Мечтай, если хочешь,
Летай! Где же крылья?
Расправь их не спешишь.
Согреты ладони
Горячим дыханьем...

Навеки не улетишь...

Что может фотограф?

Что может фотограф?
Заметить, как море
Колышется в свете звёзд.
Увидеть, как волны
Играют с рассветом,
Как ветер туман унёс.
Запомнить, как летом,
Прохлады не зная,
В саду расцвели цветы.
Как осенью тихо листва опадала.
Фотограф... чужой мечты.

Может быть в маленькой точке вселенной

Может быть в маленькой точке вселенной,
Где-то вдали, куда тянется нить,
Сердце забудет о боли мгновенно,
Души сумеем соединить.
Там, за звездой, бесконечные дали.
Счастье и отблеск нелепой мечты.
К ночи глаза снова плакать устали.
Слежу за звездой. Не вижу... Где ты?

Укрывает осень

Укрывает осень
Летние надежды,
Их укутать хочет
В дожди.

И на ветер бросив
Жёлтые одежды,
Шелестит и шепчет:
«Не жди».

Этот тихий шорох
Больше не тревожит,
Мимо листьев ярких
Пройдёшь.

Греет тёплый ворот.
Дождь начаться может.
Капли, будто слезы...
Не ждешь...

А может, будет ещё дорога

А может, будет ещё дорога,
И солнце в спину,
И свежий ветер.
А может, нужно ещё немного,
И якорь кину,
Расставлю сети.

Прозрачны сети, как паутина.
Ловись-ка, рыбка,
Ловись-ка, счастье!
И все проблемы дрейфуют мимо,
На дно уходят
Тревоги, страсти.

Улов богатый – цветы весной,
А летом – море,
Волна играет.
Осенних листьев ковёр укроет.
С зимой сложнее,
Зима всё знает...

Вечер. Тихо. Чуть дыша

Вечер. Тихо. Чуть дыша,
Замерла на миг душа.
Нет друзей и нет подруг.
Словно облако вокруг.
Все вокруг—густой туман.
Мыслей грустных караван.
Путь его лежит на юг.
Шум волны и сердца стук.
Сердца маленькая часть
Там могла навек пропасть.
Потеряться, утонуть,
В волосах её уснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.